

АЛЬБЕРТ КАРЫШЕВ

ПОСЛЕДНЯЯ ОСА

РАССКАЗЫ

Дверь нашей дачной избы днём всегда настежь открыта, и когда жена варит варенье, осы, способные на большом расстоянии чуют сладкое, летят в избу. Сперва они повисают над хозяевами, быстро-быстро работая крыльями; гудят, словно вражеские самолёты, и, выяснив, что мы их не тронем, потому что боимся связываться, усаживаются на посуду, измазанную вареньем. Смотреть, как они лопают, довольно урча, и любопытно, и противно. Жадные они, ненасытные; лезут в лакомство с ногами, копошатся, липнут, выхватывают друг у друга. Когда варенье в их впалых животах уже не помещается, осы кое-как вылезают из него, садятся на окно и ломятся головами в стекло — ума не хватает улететь в открытую дверь. Тогда я их выпроваживаю двумя способами: либо изловчаюсь схватить жалящее насекомое за крылья, при этом оно вдвое складывается, подгибая гузно к голове, стараясь достать мои пальцы жалом, либо, если схватить не удаётся, накрываю каждую осу гранёным стаканом. Между стаканом и оконным стеклом я просовываю плотную бумажку и выношу пленницу за порог. Поздней осенью осы исчезают. Куда они деваются, где проводят зиму, подсмотреть не удаётся.

Однажды в октябре, своровав брусничного варенья, последнего из варений, приготовленных в ту осень моей женой, нахалки полетели зимовать, но одна осталась в избе. Мы думали, оса посидит на окне, о чём-то размышляя, и отправится за сородичами, но она, взлетев, тревожно погудела по комнате, по сеням, выглянула на крыльцо, посмотрела, как с беспросветно-серого неба моросит дождь, как над пустеющим огородом ветер вздымает и раскачивает поредевшие ветви тёрна и сирени, как скучно, зябко, бесприютно во круг, и вернулась на окно.

— Чудно, — поделился я с женой. — Осталась одна, не улетела со всеми. Больная, что ли? Сил не хватило?

— Кто её знает, — ответила хозяйка, рассматривая осу вблизи. — А красивая! Изящная!.. Поглядим, что дальше будет делать.

За уборкой урожая мы про осу забыли, а когда через пару дней вспомнили, то увидели незваную гостью на том же окне. Я наклонился и подул на неё.

— С тех пор, как села, так здесь и сидишь? — говорю. — Эй, ты живая или нет? Что молчишь? Лети отсюда, ищи своих, пока не поздно!

Поймав её стаканом и выпустив на крыльце на свободу, я собрался пить чай, разлитый по чашкам, но не успел устроиться за столом, как оса влетела в избу и села на переплёт оконной рамы.

— Может быть, это другая? — сказал я.

— Нет, та самая. — Вера Владимировна внимательнее поразглядывала отбившуюся от шайки разбойницу. — Никаких других ос тут больше нет. Все улетели. Только какая-то жалкая она сделалась, тихая и вялая.

— Будешь жалкой, если тёплый сезон кончился, и ты лезешь к людям на постой, а они гонят тебя из своего дома. Никакая она не больная, здоровая, как лошадь. Хочет жрать, а работать не хочет — вот и вся её болезнь. И жрать, оказывается, нечего. Варенье-то хозяева убрали, пьют чай с конфеткой. Захотела лучшей доли и вздумала всех перехитрить, но осталась на бобах, голодная, холодная и никому не нужная.

Я решительнее отнёс осу на улицу, но она тут же вернулась. Проще всего было бы не пускать её больше в избу, но мы с женой оставили дверь открытой, чтобы до конца понаблюдать за одинокой блестяшкой, как где-то зовут это хищное насекомое, поедающее даже крупных мух и пауков. Действия мои и осу повторялись неоднократно в виде забавной игры: я прогоняю — она возвращается. В последний раз блестяшка вертолётным способом задержалась у меня над ухом и загудела не грозно, как ей полагалось от природы, а просительно: “Хозяин, не гони! Дай пожить по-человечески, в сытости, тепле и уюте! Что тебе, жалко, да?” Опустившись ниже, она села мне на руку. Я вздрогнул, но рукой не встряхнул, не смахнул осу; а она не подумала меня жалить, но поскребла лапками тыльную сторону моей ладони, пощекотала жёсткими усами и клюнула — должно быть, раболопно поцеловала. Я ухватил её за крылья и посадил на окно.

Когда я передал жене то, как понял смиренное гудение постоялицы, Вера Владимировна сказала осе:

— Вот тепла-то тебе, дурочка, точно от нас не будет! Скоро придёт зима, изба выстудится, а печку никто не истопит, потому что мы на днях отсюда уедем. Варенья можем оставить, чтобы ты не умерла с голоду, а тепло ищи сама, зимой сиди на нашей постели и, как озябнешь, забирайся под одеяло.

— Ладно, не станем тебя прогонять, — добавил я с неожиданным для себя участием к существу от рождения злomu, жестокому, вороватому, но теперь несчастному. — Поступай, как знаешь. Если зимой выживешь, то будущей весной встретишь нас в доме.

Кажется, ни меня, ни жену мою оса толком не поняла. Но когда мы подали ей на блюде варенья, открыв ради приживалки собранную в дорогу сумку на колёсах, она, прежде чем полакомиться, на радостях взвилась к потолку, несколько раз весело стукнулась о него и перевернулась в воздухе.

На другой день оса явилась к завтраку чисто умытая, в тугом корсете, в костюме из тонкой кожи: чёрной курточке и юбке с жёлто-чёрными поперечными полосами; натянула крошка ещё капроновые чулки и обула туфли на высоком каблучке. Хозяева ели макароны с тёртым сыром, запивая их сладким чаем, а осе снова дали варенья, и она постаралась проявить себя с лучшей стороны, полюбить нас.

С благонравным видом красотка села в своё блюдо и сдержала природные свинские наклонности: не полезла в варенье с ногами, но, нагнувшись, аккуратно поела его и вытерла губы салфеткой. Позавтракав, она опять закружила по дому, приплясывая на потолке, считая, наверно, что до весны проживёт с нами и каждый день будет так праздновать, как сегодня.

Мы оставили полное блюдо её любимой еды и уехали во Владимир, а когда на другой год вернулись в деревню, то нашли осу бездыханной: она

упала спиной в варенье и застыла в нём, сложив лапки на груди. По-человечески бедняжка пожила маловато, зато вволю поела сладкого и умерла в таком положении тела, что напоминала лежащую на столе покойницу.

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЛЕСНОМ КЛЕЩЕ

Как-то, вернувшись из леса, я, по заведённому для себя порядку, разделся донага, потряс во дворе одежду, осмотрел, ощупал тело и нашёл на нём трёх клещей: под мышкой, на животе и ещё в таком месте, что совестно сказать. По одному клещу доводилось приносить на себе, по два — не бывало, но чтобы сразу три... такое, подумал я, в страшном сне может, конечно, привидеться, в яви же до сих пор со мной не случалось, и не дай Бог, чтобы ещё когда-нибудь произошло.

Клещ выбирает на человеке места помягче и поукромнее. Там он, как олигарх, и пьёт мирно нашу кровушку. Видно мне было из троицы кровопивцев лишь одного, на животе, и я давай вытаскивать этого за шиворот, а потом выковыривать из моей плоти швейной иглой, протёртой одеколоном, заведомо зная, что ни вытянуть, ни выковырнуть его не удастся — очень уж глубоко мерзкое животное внедряется и слишком цепки его клещи, держащиеся в теле жертвы, как рыболовный крючок. Усилием пальцев клещи легко разорвать, оставив в себе его голову, а иглой можно занести в ранку инфекцию. В обоих случаях вероятна большая неприятность — заражение крови.

— Ну что ты мучаешься? — сказала жена. — Капли на всех троих подсолнечного масла, станут задыхаться и сами вылезут. Давай-ка, помогу!

— Правильно, — отвечаю. — Это единственный верный способ. А мучаюсь я со злости и в нетерпении поскорее освободиться от гадов.

Капнули на клещей масла и подождали. Тот, что сидел на видном месте, спешно вылез, выпучил глаза и начал трясти головой и судорожно хватать воздух, держась за грудь. Отдышавшись, он прытко враскоряку побежал по моему животу. Я его схватил, притиснул к спичечной головке и сжёг без жалости и угрызения совести.

Но, предав клеща лютой смерти, я вдруг усомнился в том, что надо физически уничтожать паразитов, у которых "тоже есть право на жизнь".

— За что казним бедняг? — говорю жене. — Они ни в чём не виноваты. Конечно, клещи не умеют вкалывать, подобно шмелям или пчёлам, но им так же, как пчёлам и шмелям, нужно питаться, а они способны только пить свежую кровь. Почему-то мы не клянём волков, львов, тигров за то, что убивают беззащитных травоядных животных, а могут разорвать и человека, наоборот, уважаем, считаем мужественными и красивыми, ничтожных же букашек, смелых, между прочим, нападающих и на диких зверей, и на самого царя природы, ненавидим и до смерти боимся. Даже к комарам и слепням относимся более-менее терпимо, но при виде клещей трясемса и кричим: "Фу, какая гадость!" А они, наверно, не зря возникли на земле. Зачем-то нужны природе. Истреби их всех до одного, и, может быть, произойдёт какая-нибудь экологическая катастрофа.

— Это, милый, философия на мелком месте, если ты говоришь всерьёз, — сказала Вера Владимировна, — Интересно, как следовало бы поступать с лесными клещами, если бы пришлось жалеть их и беречь? Надо было бы относить их назад в лес, выковыривая из своего тела, да? А эти рассуждения насчёт того, что клещам тоже надо питаться, ты ещё на человеческое общество перенеси, как баснописец. Тут можно далеко зайти.

Я почувствовал, как губы мои сами собой кривятся в ухмылке; а жена иронически продолжала:

— Раз очень жалеешь клещей, то этих двоих — под мышкой и где там у тебя второй сидит? — не трогай. Пусть спокойно пьют твои соки, а ты себе внушай, что иначе быть не может, что это — как в подлинно демократическом обществе...

Но оставшиеся два клеща раздражали меня. И противно было держать их в себе, и чесалось. Воздух, что ли, где-то к ним проникал; но оба долго не отрывались от моих кровеносных сосудов и, насыщаясь, быстро вспухали. Мы опять намастили зловредных букашек. Тогда они, с уже раздутыми серыми брюхами, похожими на дирижабли, попятелились, с трудом оставили недра человеческой плоти и, как первый, бросились, по их представлению, спасаться бегством, а на самом деле едва поползли — слишком отяжелели от выпитой крови. Эту пару я вынес во двор и кинул в бочку с дождевой водой. Они закачались на волнах дирижаблями вверх, а спустя некоторое время куда-то исчезли.

Когда, в очередной раз вернувшись из леса, я нашёл в своей одежде клеща, не успевшего в меня вцепиться, то сразу кинул его в бочку. Решил понаблюдать, как он там себя поведёт, куда денется. Клещ по-собачьи поплыл к берегу, вскарабкался по железной стенке на острую кромку, посидел, огляделся и неожиданно расправил крылья и с соколом взвился в поднебесье, ошеломив меня — я и не предполагал, что лесные клещи умеют летать.

С тех пор, поймав на себе какого-нибудь из этих гадов, думаю, что с ним делать. Сжечь — рука не поднимается с тех пор, как сжёл одного; раздавить — не поднимается нога; а если кинуть в воду, то он выплывет и полетит искать новую жертву и плодить себе подобных.

Сижу с клещом в руке и гадаю. Жена смеётся.

СМЕРТЕЛЬНАЯ УГРОЗА

Глянул пасмурной ночью за оконце нашей избы и в густой темени рассмотрел множество крепко сжатых белых кулаков, тянущихся к стеклу, чтобы разбить его и достать меня. Меж кулаков мелькали и перекошенные лица.

Пошёл за порог, за усадьбу, остановился перед избой, и долговязые толстостебельные растения начали обступать человека, устрашающе размахивая зонтичными соцветиями, которые через стекло казались мне в ночи большими кулаками и злыми лицами.

— Вот мы тебя! — слышал я в их враждебном шелесте. — Вот мы вас всех! Дайте только срок!..

Подувал холодный ветер. У нас на вершине холма было темно, а в нижней части деревни горел одинокий уличный фонарь. Зонтичные растения шелестели, скалили зубы, замахивались, грозились; а я думал о том, что их несметные полчища, окружившие деревню, относятся скорее к смерти, чем к жизни, хотя в отдельности “белоголовка” — так назвала мне её беззубая местная старушка Шнюкова — зелень безвредная, даже полезная: шмели, смотрю, её обожают, сидят по несколько мохнатых тружеников на одном соцветии, так что с опаской проходишь от избы и назад по выкошенной дорожке между плотными рядами этих “белоголовок”.

— А вот посмотрим, чья возьмёт!

Я в свою очередь погрозил им кулаком, оскалил зубы и пошёл спать.

Утром рассказываю жене, что ночью видел и о чём подумал, а она и говорит:

— Всё! Пора истреблять! Моё терпение лопнуло! Если не мы их, то они нас! Сразу после завтрака бросаю все другие дела и начинаю выводить заразу калёным железом!

“Белоголовки” распространились по всему холму, на котором стоит наша изба, и по окрестным, давно не паханым, когда-то колхозным полям. Прежде у нас перед окнами был цветущий луг, полный душицы, гвоздик, фиалок, белых и цветных ромашек, полыни, мягкой травы, а на полях росли хлеба и овощи, теперь же, куда ни глянь, равнины и холмы заполонили проклятые “белоголовки”, ну, ещё те поля, куда “белоголовки” не успели, зарастают лесом.

Мы с женой вместе выступили против врагов, скопившихся на лужайке перед окнами. Рвали их с корнем, чтобы больше не росли. Жена выдёргивала особи помоложе, потоньше и послабее; я брал заматерелых, сильных, с толщиной стебля в инвалидную палку, выше меня ростом, а этих попробуй одолей без разных неприятностей и вреда для здоровья — они пускают длинные и разветвлённые крюкообразные корни, цепляются в земле за камни и держатся там крепко-накрепко, словно зацементированные. Потянул я одну такую “белоголовку”, как дед репку, встал под углом к земле в тридцать градусов и рванул что есть мочи, а злодейка возьми и, мне назло, сама выпрыгни из земли; я упал и, потирая ушибленный зад, подумал о растении, как о разумном существе, что вот сейчас встану и переломаю ему ноги.

В это время была у нас соседка, живущая через дом, тоже пенсионерка-дачница. Она смотрела из-под панамы сквозь тёмные очки, как мы действуем, перенимала опыт. Когда я повалился, задрал ноги, жена испугалась, бросилась ко мне, спросила, не очень ли больно ушибся, а соседка Тихомирова подала совет:

— То место, где выдернули, надо солью присыпать. Тогда белоголовка на нём больше не вырастет.

— На все места соли не хватит, — ответил я, поднимаясь. — Во-вторых, там, где соль, наверно, совсем уж ничего не вырастет.

После того как упал, я схватил лопату и с остервенением человека, которому плюнули в душу, к тому же сильно нервного, давай подрывать, подрезать мощные корни. Почва у нас вокруг избы очень камениста (близко к поверхности её лежит известковый слой), и уже много лет, вскапывая огород, приходится работать не только лопатой, но и ломом; вот и теперь я вслед за лопатой выгацил из сарая лом и орудовал то одним инструментом, то другим.

К вечеру “белоголовки” были оттеснены от наших окон и покинули некоторый участок лужайки. Гору поверженных врагов я вилами перетаскал в глубокую мусорную яму на отшибе. Мы с женой так устали, что при ходьбе нас качало и заносило в сторону. Едва поужинав, мы легли спать и тут же уснули, и в кошмарном сне я живо, словно прошлой ночью въявь, опять увидел белые размахивающиеся кулаки и перекошенные лица, а в быстром шептении “белоголовок” слышал злопыхательский разговор:

— Всех не уничтожите! У нас много корней и семян! Мы сами вас уничтожим!

Утром я с грустью оглядывался вокруг. Очищенный нами участок земли походил на плешь в диких космах и не радовал глаз, а дальше и смотреть было страшно: до самого леса шагали полки зонтичных растений (и в лес, я знал, они уже проникали передовыми отрядами). Всех “белоголовок” тут под силу было выдергать разве только воинскому соединению численностью в дивизию, а то, что мы с женой сделали, надрываясь, быстро пойдёт на-смарку: соцветия кинут семена, и плешь опять покроется “белоголовками”.

Захотелось узнать, что же это за племя на нас напало, откуда у него такой нахрап, такая сила и нельзя ли его каким-нибудь простым способом напрочь извести. Забегу немного вперёд. На другой год я с весны выкосил молодые кусты “белоголовки” перед избой, но на их месте, как башки гидры, выросли новые, и к осени они достигли двухметровой высоты. Муж дачницы Тихомировой, лысый, пузатый, но живчик, бегавший на своём подворье и даже по улице босым и в одних трусах, проявил себя сторонником крайних мер. Сказав соседям: “Делать, так делать! Чтобы можно было сразу видеть плоды своего труда!”, — он ранним летом чиркнул спичкой и поджёг сухостой “белоголовок”. Стояла жара (весь май — ни одного дождич-

ка), и огонь с лужайки Тихомировых мигом перекинулся дальше; в результате сгорел нежилой дом рядом с домом поджигателя, едва уцелели три жилых, включая его собственный и наш с Верой Владимировной, запылали вокруг поля, и только пожарная команда, с тревожным звоном примчавшаяся из района, спасла от огня окрестные леса. А “белоголовки” пошли расти на пепелище ещё лучше.

Скоро возникла необходимость съездить мне во Владимир. Я выбрал время и сел в читальном зале с книгами по ботанике. Рассматривал фотографии и сопоставлял зонтичные растения на них с “белоголовкой”, её образ я хорошо помнил. Соцветия более-менее походили одно на другое, но **сныть**, например, не вышла ростом в сравнении с героиней моего этюда, и украшалась **сныть** иным, чем у героини, резным листом; у **дудника**, что обитает в сырых местах, был трубчатый стебель, а у “белоголовки” сплошной; **борщевик**, который выстраивается вдоль больших дорог, накапливал в себе токсин, вызывающий у человека удушье и ожоги, похожие на химические; тоже влажнолюбивый **ядовитый вех** (или **цикута**; её настой палач дал выпить приговорённому к смерти Сократу) назывался в книгах одним из самых опасных “зонтиков”, и если бы наша “белоголовка” оказалась **цикутой** или **борщевиком**, все, кто с ней соприкасается, умерли бы от отравления... Словом, “белоголовку” я на фотографиях не нашёл, возможно, оттого, что поторопился, и она так и осталась для меня — просто “белоголовкой”.

Вернувшись в деревню, я встретился со старушкой Шнюковой, и мы возобновили разговор о засилии в наших краях зонтичных растений.

Спрашиваю:

— Как вы думаете, откуда они взялись?

— Мерикианцы напустили,— отвечает старушка, пришёптывая и часто мигающая слезящимися глазами.

— Может быть, марсиане? — пошутил я.

— Нет, мерикианцы. И жуков насыпали, и белоголовку напустили, и спиду этого наслали.

Я не возразил против её мнения, а она, пожевав запавшим ртом, пристукнув палкой и переступив с ноги на ногу, высказалась более приближённо к действительности:

— Как ей, какой-нито заразе, не взяться на земле, если земля-матушка уж, почитай, лет двадцать не пашется, не засеивается, и скот на ней не пасётся, потому что нету его в деревне. Вот её и занимают то белоголовка, то другой бурьян, то мелятник. Сейчас белоголовка по полям, по долам идёт, а дальше в лес поберётся, ни грибов, ни ягод не будет...

Белые кулаки и рожи до сих пор мелькают перед окнами нашей избы, днём заслоняя нам солнечный свет и вид на ближайший лес, а ночью насто-раживая хозяев. Спустя год после того, как мы их малость повыдергали, они, засеив проплешины, снова выросли, и нет опять у нас никакой лужайки. Что делать с “белоголовкой”, мы не знаем, но не смиряемся, думаем уговорить старожилы деревни и дачников собрать деньги вскладчину и позвать тракториста с плугом, чтобы перекопал всю землю вокруг.